

Воспользовавшись отсутствием Вэнь Ецая, Юй Шанчжи смог полностью узнать от Вэнь-эрню, в чём было дело. Оказалось, что Цай Байцао, когда не смогла подыскать подходящую партию для своего сына, в конце концов нехотя обратила взор на Вэнь Ецая. Скорее всего, она рассудила, что как бы ни был плох Вэнь Ецай, в конце концов он хоть и не ахти какой, но всё же гер. Даже если и взять в дом уродца, всё лучше, чем оставлять сына холостяком на всю жизнь.

Так как над Вэнь Ецаем уже не было ни отца, ни матери, а Цай Байцао жалко было тратиться на сваху, она нашла в деревне дальнюю родственницу из клана Вэнь — по родству та вроде как приходилась Вэнь Ецаю тётушкой — и отправила её сватать. Думала, раз кто-то согласен взять его в супруги, то Вэнь Ецай должен только благоволия возжечь за такое счастье, к тому же сватает старший по роду — поди не осмелится не согласиться.

Кто бы мог подумать, что Вэнь Ецай прямо на месте отказал этой почти незнакомой ему тётушке, прямо сказав, что такой муж ему не подходит. Если бы на этом всё закончилось, то и ладно: в деревне все и так знали, что Вэнь Ецай и лицом, и характером не вышел, да только взгляд у него слишком уж завышенный — не срослось, и бог бы с ним. Да и вообще, с таким-то бойким гером, ещё не разберёшь, счастье ли это в доме, или беда.

Но Цай Байцао не могла с этим смириться — за спиной у семьи Вэнь она не раз и не два языком чесала, подливая яду в каждое слово.

— А потом, — продолжала с азартом Вэнь-эрню, — как-то раз мы вместе пошли в поле, и там была она. Ну, начала глумиться, мол, мой брат замуж всё не выходит, и вон, вот-вот уже налог на холостяков платить придётся. А брат ей и не уступил — прямо при всех сказал: у твоего сына росту чуть до моего плеча, на лице бородавка, да и глядеть на него невесело. Не нужен мне такой муж, на которого всё время смотреть сверху вниз — ни красоты, ни вида!

Когда Эрню договорила до этого места, плечи у неё затряслись от смеха, а Вэнь-санья, хоть и сдерживался, тоже не удержался и прыснул.

Даже Юй Шанчжи усмехнулся, глаза его потеплели:

— Уж этот твой брат... язык как бритва...

Но не успел он договорить, как вдруг из-за двери раздался голос:

— Что не так с моим языком? Значит, только я ушёл, а вы сразу за моей спиной косточки перемывать начали?

— Брат! — пискнула Вэнь-эрню, мигом подскакивая. Ещё минуту назад она с жаром рассказывала, размахивая руками, а теперь первая бросилась к нему навстречу и ловко подхватила ношу из его рук.

— Вернулся, — сказал Юй Шанчжи, нащупывая край стола и приподнимаясь. Вэнь Ецай хотел было шагнуть к нему, чтобы подать руку, но вдруг заметил, что ладони у него в дорожной пыли — и замешкался, посмотрел вниз.

— Я сперва пойду руки вымою, — отозвался Вэнь Ецай, — сегодня с удачей как-то не задалось: в горах ничего толком не попало. Только с Даваном пару кроличьих нор вырыли, да рыбы наловили много, живые — в деревянной кадке ночь простоят. Завтра продам в уезде. Из них три отобрал — одну вечером приготовим, две отнесу тётке Цуйфэнь и Пин-геру.

Он целый день провёл в горах, потому Юй Шанчжи тут же с беспокойством спросил, нахмурившись:

— Ты ведь весь день туда-сюда по склонам бегал. Колено не болит?

— Всё в порядке, — отмахнулся Вэнь Ецай. — Никаких неудобств.

Но на всякий случай тем же вечером Юй Шанчжи снова провёл сеанс прижигания. Тёплый, терпкий запах полыни всё ещё витал в воздухе. Сначала Вэнь Ецай не мог к нему привыкнуть, но теперь, казалось, без него в доме было даже непривычно.

— Я вот думаю, — заметил он, — в такую жару эта штука особенно полезна. Не только лечит, но и комаров гонит.

Юй Шанчжи задумался:

— Мы ведь говорили, что позже можно будет собрать иньчэньхао*. Ее вместе с другими травами можно не только для лечения использовать, но и для дымления скотного двора. Просто сжигать траву — дымно и быстро сгорает, а если перемолоть в порошок и скрутить как полынные палочки, то и толку больше, и расход медленнее.

(ПП: артемизия тонколистная или кустарниковая полынь)

Вэнь Ецай повернулся к нему, приподняв бровь:

— То есть, ты хочешь сказать, что в этих палочках не только полынь и иньчэньхао? Если так, и помогает, и комаров гнать можно — продумать, сделать да продавать можно. И не надо тратить силы на вылежанную трёхлетнюю полынь.

Юй Шанчжи утвердительно кивнул — его супруг действительно соображал быстро.

— Я тоже об этом думал, — кивнул Вэнь Ецай. — Одну такую палочку можно разрезать на несколько частей. Если у кого хлев небольшой, на ночь одной части хватит. Продавать по два

вэня за штуку — уверен, и в деревне найдутся желающие.

Тем более что сырьё почти что даром — не то что Юй Шанчжи самому возиться, даже Эрню с Санья и те смогут сделать. Не ради большого дохода, а так — детям на карманные деньги. Эрню, к примеру, уже подрастает, как-никак девочка — бывает, и самой хочется прикупить у бродячего торговца заколку, ленточку...

— Да точно возьмут, — согласился Юй Шанчжи. — Тем более жара вот-вот настанет, мухи и мошки расплодятся. Не в каждом дворе, как у старосты, хлев отдельно от дома. Так что надо заранее делать, заготовить побольше, чтобы надолго хватило.

С таким раскладом в доме, можно сказать, появилось сразу несколько возможных источников дохода.

Перед сном Вэнь Ецай не забыл спросить:

— Эрню говорила, сегодня к тебе на приём много людей приходило. Никто проблем не создавал?

Юй Шанчжи промолчал о выходке Цай Байцао, только покачал головой:

— Люди ведь за лечением пришли, не ссориться. С чего бы им придираться? К тому же Эрван весь день рядом был — сидел, как каменный страж. Такой глянет — и у любого охота ругаться отпадёт.

День и правда выдался удачным — всё шло как по маслу. И этой ночью оба спали особенно спокойно.

□□***

Мигом пролетели три дня. Юй Шанчжи уже начал пить новое лекарство, а его практика постепенно входила в нужное русло.

Хотя всё ещё находились пациенты, которые, даже получив диагноз и рецепт, всё равно оставались в сомнениях и не спешили полностью довериться ему, Юй Шанчжи не пытался их переубеждать. Он понимал: внешность у него молодая, лицо непривычное, а недоверие — обычное дело. Кто ж не захочет при болезни подстраховаться и получить несколько мнений?

В иных местах, у кого есть возможность, и вовсе ходят по нескольким клиникам, оббегают нескольких врачей — и это нормально. Просто в деревне такой роскоши мало кто может себе позволить. Чаще всего всё лечение — это один-единственный травник, а если уж совсем не по себе, тогда и тратятся, чтобы дойти до уездного врача.

Так что когда кто-то начинал сомневаться вслух, Юй Шанчжи лишь спокойно кивал:

— Всё равно ведь в уезд надо за лекарствами, по дороге и к другому доктору зайти — тоже дело хорошее.

Он сам был уверен в своих диагнозах и назначениях, но, произнеся такое, замечал, что у сомневающихся лицо начинало меняться. Мол, да что уж там...

— Эх, где ж время взять на всё! Пойди-ка ещё доберись до уезда, да потом ещё и на повторный приём опять туда тащись... Проще уж тут у тебя, в деревне, лечиться.

И в такие моменты Юй Шанчжи просто молча улыбался. Разговор на этом заканчивался.

Так и прошло три дня. Вечером третьего дня, когда они с Вэнь Ецаем закрыли двери и остались вдвоём, сели пересчитывать заработанное: за три дня приёма собрали ровно двести двадцать пять вэней. Если прибавить к этому выручку от случайных продаж — пилюль, оставленных ранее лекарем Цинем, и домашних полынных палочек, — всего набралось шестьсот десять вэней, то есть более шести цяней серебра. Кроме того, была ещё недавняя выручка от охотничьей добычи, которую Вэнь Ецай отвёз на продажу в город. Вычтя расходы на лекарства, оставалось около двух лян серебра.

Всего за несколько дней лишь на лечении удалось заработать более шести цяней, и в сумме получилось два ляна с шестью цянями. Хотя для Вэнь Ецай, охотника, такие крупные поступления были делом привычным, на первый взгляд это казалось обыденным, но если сравнить с другими крестьянскими дворами, то такой темп доходов и представить себе было трудно.

Они с помощью соломенной верёвки связали ещё десяток связок с монетами, после чего Вэнь Ецай отобрал сотню медяков, разделил их на две части и положил в два кошелька. Эти разменные деньги предназначались для повседневных нужд, и один из этих кошельков Вэнь Ецай с лёгким хлопком передал в руку Юй Шанчжи.

Тот почувствовал, как в ладони появилось что-то новое, нащупал пальцами и с удивлением произнёс:

— Неужто это тот самый кошелёк, что ты сам сшил?

Вэнь Ецай взглянул на ту вышивку, над которой изрядно помучился, пытаясь довести до ума, но так и не сумел — результат получился страшноватый. Именно поэтому он и поспешил отдать кошелёк, пока у Юй Шанчжи глаза ещё не выздоровели.

— Конечно, — ответил Вэнь Тцай. — Я взял суровую серую льняную ткань, она подойдёт ко всем твоим одеждам.

Пальцы Юй Шанчжи быстро нащупали вышитый узор. Движения его были осторожными, будто он боялся повредить вещь. Пальцы скользили по краю вышивки, очерчивали её контуры — он старался угадать:

— Это вышита... трава?

В его памяти на кошельках обычно вышивали либо цветы, либо травы — ведь такие вещи обычно шила либо жена, либо супруг, либо мать. В любом случае, украшали хоть чем-то. Но вышивка Вэнь Ецай на цветы не походила, оставалось предположить, что это трава.

— Какая трава? Это лист, лист шелковицы! — возразил Вэнь Ецай.

Он и сам не ожидал, что впервые воспользуется тем, что Юй Шанчжи пока не видит, — только ради этой безнадёжной вышивки.

Услышав ответ, Юй Шанчжи просветлел в лице:

— Вот как... Ты потрудился ради этого, А-Е.

Он ведь как-то объяснял Вэнь Ецаю, что в его имени есть иероглиф «□» — шелковица, и теперь понял, что тот запомнил, и вышил именно её лист.

Кошелек лёг в ладонь, и ткань очень скоро впитала тепло руки.

— Пока что оставь его у себя, — сказал Юй Шанчжи. — Как только выберешь из дома, обязательно возьми с собой.

Вэнь Ецай увидел, что Юй Шанчжи и впрямь радуется подарку, вроде бы не притворяется, и немного выдохнул с облегчением, но всё же не упустил случая приберечь себе путь к отступлению:

— Я просто подзабыл, как правильно шить. Потом, как потренируюсь, сошью тебе новый из хорошего материала.

Юй Шанчжи хоть и не разбирался в шитье, но кое-что на ощупь понять мог: стежки были крупные, неаккуратные. Однако это его ничуть не смущало. Ведь главное — вещь сшита руками Вэнь Ецай. Да она и не обязана быть красивой, лишь бы крепко сшита была и деньги не терялись.

Правда, вслух он этого не сказал — если Вэнь Ецай услышит, ещё подумает, что его работу не оценили.

Той ночью Юй Шанчжи спал беспокойно. Новый рецепт оказался сильнее прежнего, а в лекарствах для выведения яда часто использовались компоненты, действующие по принципу «яд ядом». Проснувшись посреди ночи с чувством тревоги, он тут же проверил себе пульс. Убедившись, что всё в порядке, начал самостоятельно восстанавливать дыхание.

Человек рядом с ним изначально лежал к нему спиной, но теперь словно что-то почувствовав, повернулся. Их руки соприкоснулись, и Юй Шанчжи вдруг ощутил себя словно утопающий, что наконец ухватился за плавающее на поверхности бревно. Ощущение полной беспомощности, когда приходилось в одиночку смотреть в лицо темноте и не находить ни на что опоры, в одно мгновение рассеялось, словно дым.

На следующий день.

Вероятно, все болезни, которые за последнее время накопились у деревенских жителей, уже были выплеснуты, и потому у ворот дома семьи Вэнь в эти дни стало заметно тише.

Юй Шанчжи с самого утра был уныл и вял, даже не притронулся к завтраку. Выглядел он даже хуже, чем в последние дни — в то время как покорно принимавший лекарства и соблюдавший режим Вэнь-санья казался куда бодрее.

Вэнь Ецай переполнился тревогой: пробежавшись по полям для вида, он поспешно вернулся домой и тут же уложил его отдыхать.

— Прежний отвар ты пил столько дней — и ни малейшего толку. А теперь выпил всего несколько порций нового — и вот до чего дошло! Ты ведь сам лекарь, зачем же себе выписываешь такие рецепты, что и врагу не пожелаешь?! — Вэнь Ецай уже понял, что причина в новом рецепте, долго выспрашивал, и лишь тогда выяснилось, что Юй Шанчжи, желая поскорее исцелить глаза, сам и придумал этот рискованный план. Тут уж он и вовсе потерял дар речи от негодования.

— На день раньше зрение вернется, или на день позже — нет никакой разницы. А теперь вот что вышло: и поесть не можешь, да и как тело такое выдержит? — раздражённо бросил Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи и правда не только не мог есть, но и словно впал в лёгкий жар.

Вэнь Ецай выжал полотенце и приложил к его лбу — прохладное и влажное, сразу стало заметно легче.

— Признаю, был неправ, разве этого мало? — слабо отозвался Юй Шанчжи. — Но отвар я уже выпил, менять рецепт сейчас — всё равно что бросить на полпути. Потерплю ещё пару дней и будет толк. Просто уж слишком слабое это тело, вот и не выдерживает.

Каждый день он усердно занимался «бадуаньцзинь» (восемь отрезов парчи — традиционный комплекс гимнастики), но укрепление здоровья — не дело одного дня, и Юй Шанчжи страдал, не имея возможности с этим поспорить.

— Разве я говорю, что ты не прав? — пробурчал Вэнь Ецай с досадой. — Пойду гляну, что там с печью. Сварил тебе немного кашицы из кукурузной муки — выпей хоть как воду, всё лучше, чем совсем на голодный желудок.

Честно говоря, внутри у Вэнь Ецай до сих пор кипело: злился на Юй Шанчжи за то, что тот не щадит собственного тела. Но что толку — тот ведь сам лекарь, разве он, простой человек, имеет право указывать?

С такими мыслями он стал подкладывать дрова в печь с заметно большей силой.

Спустя немного времени Вэнь-эрню вдруг с шумом вбежала внутрь, ее лоб блестел от пота.

— Ты же пошла пасти вола, чего так быстро вернулась? — Вэнь Ецай вышел из кухни с кочергой в руках и только тогда увидел: вол стоит во дворе как ни в чем ни бывало, а рядом с ним крутится Даван. Всё же стало немного спокойнее.

Сразу вслед за этим Вэнь-эрню воскликнула:

— Старший брат, это не я сама! Это брат Циншуй из дома деревенского старосты меня прислал — велел срочно звать брата Юя. Говорит, в деревне у многих ребятишек странная хворь началась, даже его сын, Лянь-цзы, тоже заболел!

— Странная хворь? — переспросил Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи, услышав это от Вэнь Ецай и Вэнь-эрню, сразу снял со лба мокрое полотенце и сел в постели.

— Последние два дня почти никого не приходилось осматривать, с чего вдруг вспышка какой-то болезни?

В душе у него тут же поднялась тревога: раз заболело не одно дитя, не иначе как речь идёт о чем-то заразном — и тогда беды не миновать.

— Какие у них симптомы? Ты знаешь? — спросил он у девочки.

Но Вэнь-эрню не могла толком объяснить, путалась в словах, и Юй Шанчжи уже не мог оставаться в постели.

— Пойду к брату Циншую взгляну сам. В деревне много домов, а детей ещё больше. Если это и правда опасная болезнь, надо срочно пресечь её до того, как она распространится.

Будто и впрямь силы к нему вернулись, он скинул с себя ткань, отложил её в сторону и уже собирался вставать.

Вэнь Ецай тут же бросился его придержать:

— Да ты сам ещё не оправился, как же так — идти в таком виде?

Тут же он поспешно обратился к Вэнь-эрню:

— Сходи скорее, налей из котла чашку кашицы — пусть хоть немного подкрепитя перед выходом, а то в таком виде он и на ногах не устоит.

Вэнь-эрню сразу кинулась выполнять поручение, а Юй Шанчжи тем временем крепко сжал руку Вэнь Ецай.

— Пока ещё точно ничего не ясно, но ты обязательно приглядывай за Саньей, не пускай его на улицу. И пока пусть не играет с Даваном и Эрваном.

Вэнь-санья был ещё мал и слаб здоровьем. Простая простуда могла обернуться бедой, не говоря уже о чём-то серьёзнее. Вэнь Ецай, и без того всегда державший дом в чистоте из-за больного ребёнка, напрягся ещё сильнее: Даван и Эрван целыми днями шастали по деревне, ели всё подряд, нередко сырое — в такой момент лучше соблюдать осторожность.

Юй Шанчжи увидел его тревогу и немного успокоил:

— Пока я здесь, в деревне беспорядка не будет.

Выпив немного кашицы, чтобы не идти на пустой желудок, Юй Шанчжи уже было направился к выходу, но вдруг что-то вспомнил и попросил Вэнь Ецай найти дома два подходящих лоскута ткани. Перед осмотром он собирался закрыть рот и нос — хоть как-то защититься.

— Некоторые детские болезни передаются и взрослым. У нас в доме Санья — беречься нужно и тебе, и мне.

Если бы путь до места был подлиннее, Вэнь Ецай, пожалуй, запряг бы вола и поехал с ним сам. Когда Юй Шанчжи наконец добрался до дома семьи Сюй, дыхание у него уже сбилось. Сюй Циншуй с тревогой ожидал у ворот, и, заметив приближающегося, тут же бросился навстречу:

— Юй-ланчжун, вы, наконец-то, пришли!

Вэнь Ецай взглянул вперёд и увидел, что у дома Сюй уже собралась толпа — стояли несколько семей. Увидев Юй Шанчжи, все как по команде оживились и тотчас окружили его.

Юй Шанчжи, опираясь на Вэнь Ецай, шагнул вперёд и, услышав слова приветствия, спокойно ответил:

— Прошу прощения, с утра было плохо, потому и задержался немного.

Сюй Циншуй, глядя на его бледное, усталое лицо, понял, что тот и сам болен, и невольно почувствовал вину:

— Прости уж, но болезнь у моего старшего сына началась резко и странно, и не только у него — в деревне уже несколько детей с теми же симптомами. Всё с вечера началось, как по одному часу — и все захворали! Даже мой дед встревожился — боится, как бы не пошла по деревне зараза, что малышей косит.

Не успел он договорить, как и другие семьи рядом заговорили наперебой:

— Верно! У моего Эгуая то же самое — жар, весь рот в волдырях!

— У моей Мэй-цзе сейчас лоб горит, щёки пылают, а пота нет совсем — что-то совсем неладное!

— У меня оба ребёнка заболели, — раздался новый голос. — Старший, Сяоцзы, крепкий ещё, держится, а вот младший гер весь в сыпи — плачет без остановки.

Юй Шанчжи, услышав это, замедлил шаг, затем остановился вовсе и обернулся к толпе:

— У всех детей схожие симптомы? Жар и сыпь?

Вся группа, включая Сюй Циншуя, дружно кивнула.

Сюй Циншуй добавил:

— Конечно, так бы и не стали спешно звать вас, Юй-ланчжун. У нас, в крестьянских семьях, дети с малых лет крепкие, после того как начинают ходить, болеют редко, а уж чтобы сразу у нескольких семей дети захворали, да ещё с одинаковыми признаками — такого не припомнить.

Кроме того, все и собрались у дома Сюй не случайно: во-первых, в деревне пошёл переполох —

многие заподозрили эпидемию и пришли искать совета у старосты, как у надёжного человека; во-вторых, именно у Сюй Ляня, младшего из всех заболевших, проявления оказались самыми тяжёлыми.

Юй Шанчжи задумался на мгновение, потом задал ещё один вопрос:

— А сколько лет тем детям, что заболели?

Послышались разные ответы — кто-то говорил, что три, кто-то — что четыре, самый старший оказался не старше шести.

Юй Шанчжи тяжело вздохнул — в голове уже вырисовывалась картина происходящего.

— Позвольте сперва взглянуть на сына брата Циншуй, — сказал он спокойно. — Остальные не волнуйтесь, я непременно обойду каждый дом, никого не пропущу.

Семьи, услышав обещание Юй Шанчжи, немного успокоились. Ранее их дети не болели, и никто из них не обращался в дом Вэнь за лечением, потому и отношения к Юй Шанчжи не имели определённого — кто знал, надёжен ли он вообще. Но теперь, когда беда пришла в дом, все внезапно осознали, насколько удобно и ценно иметь в деревне своего лекаря.

Так что дальнейшего смысла оставаться у дома Сюй не было — каждый поспешил домой, сообщить новость родным и ждать, пока лекарь сам придёт осмотреть их детей.

Тем временем сам Юй Шанчжи вместе с сопровождающими уже подошёл к двери в комнату. Из-за слабости передвигался он медленно, и Вэнь Ецай поддерживал его под руку. Перед тем как войти, оба надели заранее подготовленные тряпичные повязки, закрыв ими рот и нос, оставив лишь глаза открытыми.

Внутри, у постели Сюй Ляня, сидели Ян Хунэр и его свекровь, Хань-ши. Они вдвоём не отходили от мальчика ни на шаг. Когда Юй Шанчжи вошёл в комнату, неизвестно, что именно произошло, но Ян Хунэр вдруг снова разрыдался, как будто сердце не выдержало:

— Лянь-эр, не пугай своего папочку!

Сюй Циншуй вздрогнул от испуга и поспешил заглянуть внутрь. Увидел, что Сюй Лянь склонил голову набок, изо рта текла слюна — и немало. В этот момент мальчика уже держал на руках Ян Хунэр. Его руки и ноги безвольно свисали, сам он выглядел жалко до невозможности.

— Юй-ланчжун, скорее посмотрите, что с ним?! — воскликнул Сюй Циншуй, в отчаянии глядя на врача.

Ян Хунэр и Хань-ши, заметив, что пришёл доктор, сначала ощутили облегчение, но тут же их сердца сжались от нового волнения.

Вэнь Ецай поставил рядом с собой ящик с лекарствами, а Юй Шанчжи уже занял место Ян Хунэра, устроившись у изголовья ребёнка. Он протянул руку и приложил ко лбу мальчика — кожа была обжигающе горячей. По всему выходило, что температура поднялась уже до сорока.

— Быстро принесите спирт, как можно больше, — велел он. — Нужно срочно сбить жар.

Вэнь Ецай уже имел опыт с подобным случаем — после истории с Сяо Дие-гером он действовал быстро и уверенно:

— Ставить иглы будем? — спросил он, готовясь.

Юй Шанчжи кивнул, и тот тут же пошёл готовить инструменты и стерилизовать иглы.

Время шло на минуты. Юй Шанчжи повернулся к Ян Хунэру и быстро спросил:

— У ребёнка язвы во рту есть? На теле сыпь появилась? Особенно на ладонях и ступнях — их больше всего?

Ян Хунэр на миг растерялся, но тут же поспешно ответил:

— Всё верно! Вчера вечером, когда ел, ещё ничего не было, а за одну ночь весь рот в язвах!

— Опишите язык ребёнка, — быстро продолжил Юй Шанчжи. — Какой он по цвету? Какой налёт — толстый, липкий?

Хань-ши, услышав это, подняла мальчика, а Ян Хунэр склонился к нему, внимательно вглядываясь.

— Язык очень красный, налёт жёлтый... — помедлил он. — А вот липкий он или нет, я, признаться, не уверен...

На этом этапе Юй Шанчжи уже мог поставить диагноз и без привычного осмотра по отпечаткам пальцев.

— Это действительно одна из распространённых детских эпидемий, — тихо заключил он.

Этой болезни в старину не давали чёткого названия, но в более поздние времена её стали хорошо узнавать — это самая обычная, хотя и опасная, энтеровирусная инфекция, известная

многим как вирусная пузырьчатка.

Каждый год случаются вспышки, страдают тысячи детей, а детские отделения больниц бывают переполнены до отказа. А в эту эпоху, когда любое «заразное» воспринимается как приговор, стоило прозвучать слову «эпидемия», как в людях моментально просыпался панический страх, будто речь шла о наводнении или нашествии зверя.

Как раз в этот момент Сюй Циншуй вошёл в комнату с целой керамической кадкой вина в руках — и, услышав последние слова Юй Шанчжи, голос у него сразу изменился:

— Юй-ланчжун... так эту заразу... её можно вылечить?

Рядом Ян Хунэр и Хань-ши стиснули друг другу руки и не смогли сдержать слёз — по лицам потекли струйки.

Вирусная пузырьчатка хоть и заразна, но давно уже известна, и методы её лечения существуют, причём вполне надёжные. Юй Шанчжи потому и произнёс спокойно:

— Хоть её и называют эпидемией, на самом деле это не какая-то злоеющая хворь неизвестного происхождения. У меня есть готовый рецепт, проверенный.

Сначала трое взрослых ещё не вполне поверили услышанному — болезнь же заразная, пугающая, — но тут Вэнь Ецай вбежал в комнату с простерилизованными серебряными иглами, Юй Шанчжи принял их и начал ставить иглы Сюй Ляню.

Тут уж всё внимание вновь сосредоточилось на ребёнке. Как и в прошлый раз, Юй Шанчжи начал с кровопускания, чтобы сбить жар. Пока шла эта лихорадочная работа, он сам успел изрядно вспотеть. Использованную, запятнанную кровью ткань унесли, а он тем временем скомандовал Ян Хунэру и Хань-ши:

— Протирайте ему руки и ноги, снижайте температуру. Только осторожнее — не задевайте сыпь.

Услышав это, они сразу замедлили движения, боясь навредить.

Юй Шанчжи взял чашку с водой, сделал глоток и перевёл дыхание. Затем повернулся к Сюй Циншуй и спросил:

— Брат Циншуй, у вас в доме есть кто-нибудь грамотный, кто мог бы записать рецепт под мою диктовку?

— Я запишу! — раздался знакомый голос.

Юй Шанчжи резко поднял голову.

Сюй Циншуй тоже изумлённо обернулся:

— Дедушка! Вы тоже пришли?

Сюй Байфу ответил серьёзным тоном:

— Само собой, пришёл навестить своего правнука. Вижу, снаружи народ уже разошёлся. Что с Лянь-цзы?

Узнав, что дело касается эпидемической болезни, Сюй Байфу тоже посуровел лицом. Но он был человеком, повидавшим многое, и, как деревенский староста, сохранял куда больше хладнокровия и здравомыслия, чем молодёжь.

— Так поступим, — распорядился он. — Когда Юй-ланчжун осмотрит всех детей и составит рецепт, ты, Циншуй, вместе с мужиками из семей заболевших, запрягайте нашу телегу и поезжайте в уезд за лекарствами.

Сюй Циншуй кивнул, соглашаясь, а в доме уже поспешили принести бумагу и кисть. Сюй Байфу сел, разложил всё необходимое, обмакнул кисть в тушь и начал аккуратно, иероглиф за иероглифом, записывать рецепт, который диктовал Юй Шанчжи.

Поскольку у Сюй Ляня болезнь протекала особенно тяжело, Юй Шанчжи, составляя рецепт, внёс в стандартное предписание некоторые изменения — добавил и убрал нужные компоненты, после чего обратился к Сюй Байфу:

— Староста, раз уж болезнь носит имя «эпидемии», значит, она легко распространяется. Сейчас в деревне заболели дети лишь в четырёх семьях, но дальше, уверен, на этом не кончится. А до уезда далеко, лекарства достать непросто. Я вот что подумал: возьмите мое серебро, попрошу брата Циншуя взять с запасом — на весь сбор, чтобы при новых случаях болезнь можно было сразу начать лечить. Потом я продам эти лекарства деревенским по той же цене, что сам за них заплатил — на этом наживаться не стану.

Сюй Байфу полностью разделил его точку зрения. После коротких распоряжений Сюй Циншуй он поднялся и лёгким движением похлопал Юй Шанчжи по плечу.

— Хорошо, что у нас есть такой лекарь, как ты. А то, не приведи небо, случись всё это без тебя — и вправду не знаю, что бы мы делали.

Покончив с делами в доме Сюй, Юй Шанчжи отправился осматривать остальных детей в трёх других семьях. У этих детей возраст был постарше — с ними можно было проводить полноценную диагностику по пульсу. Симптомы, как он и ожидал, оказались идентичны — это

действительно была та же самая пузырчатка. У всех держался сильный жар: у кого-то проявлялись только язвы во рту, у других сыпь уже распространилась и на тело.

Но, к счастью, ни один случай не был столь тяжёл, как у Сюй Ляня. Этим детям было достаточно принять лекарства, выводящие жар и изгоняющие влажность — болезнь будет проходить постепенно.

Когда семьи этих четырёх домов узнали, что жизни их детей больше ничего не угрожает, все без исключения горячо благодарили Юй Шанчжи и спешили вручить ему оплату за осмотр. Одна из женщин даже отправилась в задний двор, нарвала там целую охапку овощей и, вернувшись, с силой всучила их в руки Вэнь Ецай. Тот пытался отказаться, но хозяйка дома настойчиво сказала:

— Да что ты, Цай-гер, это же просто мелочь, даже не стоящее внимания. Возьми, добавишь к ужину, это наша благодарность от всей семьи.

После этих слов Вэнь Ецай обернулся за советом к Юй Шанчжи, и тот, кивнув, разрешил взять. Так скромный дар был принят.

На этом первый круг осмотров завершился, теперь оставалось лишь ждать.

Благодаря иглокалыванию, которым Юй Шанчжи снял жар, и начавшемуся приёму приготовленных лекарств, состояние всех детей стабилизировалось. Но, как Юй Шанчжи и предсказывал, всё это было лишь началом. Потому что всего за одну ночь в деревне заболело ещё больше детей — число новых случаев выросло на десятки.

<http://bllate.org/book/13600/1205952>